

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

О.Б. БОЖКОВ

ЯЗЫК СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ... НЕПОСВЯЩЕННЫХ

**ЧЕСНОКОВА В.Ф. ЯЗЫК СОЦИОЛОГИИ: КУРС ЛЕКЦИЙ /
В.Ф. ЧЕСНОКОВА. М.: ОГИ, 2010. — 544 с.**

«Если спросить среднего человека, так сказать, “с улицы”: “Что такое социология?” — пишет В. Чеснокова в 2010 году, — он ответит: “Анкеты, опросы...”» (с. 13). Более 30 лет назад, на заре своей преподавательской деятельности, первую встречу со студентами я, как правило, начинал с того же вопроса. Обычно, после некоторого раздумья, кто-нибудь из них уверенно отвечал: «Социология — это наука об обществе». В ответ я говорил: «Это правильно, но не верно» (эта фраза мне самому очень нравилась, да и сейчас нравится), а затем объяснял, почему¹. Но тогда я не додумался до следующего, очень важного, вопроса: «А что же такое общество?»

Рецензируемая книга посвящена ответу именно на этот, с виду такой простой и в то же время очень непростой, вопрос. И не случайно, на мой взгляд, она имеет название «Язык социологии». Несмотря на то, что на обложку книги вынесены слова: *«Книга адресована не социологам-профессионалам, а просто людям, которые хотят понять, как функционирует то общество, в котором они живут»*, — уже в первой (вводной) лекции автор использует основные понятия

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института РАН. Адрес: 198147, Санкт-Петербург, Измайловский проспект, д. 14.

Телефон: (812) 316–21–62. Факс: (812) 316–29–29.

Электронная почта: olegbozh@gmail.com

¹ Правильно потому, что слово «социология» — двусоставное: первая составляющая — латинское слово «societas», что значит «общество», а вторая — греческое слово «logos», что значит «слово, учение или наука». И если переводить буквально, то и получается наука об обществе. А неверно потому, что наук об обществе много, и социология — лишь одна из них.

социологии: «социальный институт», «социальный контроль», «социальная система», введенные в науку Г. Спенсером. И почти тут же говорит о шкале «неуступчивости», построенной Говардом Беккером. По сути дела — это шкала силы социальной нормы; Г. Беккер показал, какими именно *санкциями*² подкрепляется тот или иной тип норм.

Напомню, эти понятия были введены в язык науки в первой половине – середине XIX века. И тут же автор обращается к нашему времени: «И еще есть ступень, где нарушение нормы одобряется. Это результат широко распространившегося в последние десятилетия широкого стремления ко всему новому. Если человек ничего нового не предлагает, он не творческая личность, а “середнячок”, “серость”. Поэтому будем предлагать: нужно это или вовсе не нужно, важно это или пустяк. И тут общество начинает приближаться к *аномии*» (с. 21). К уже названным основополагающим понятиям социологии автор тут же добавляет еще одно — «социальные отношения».

По убеждению Георга Зиммеля и Фердинанда Тенниса, «предметом социологии должны быть “чистые формы социальности”, то есть то, что повторяется в огромном разнообразии взаимодействий, в которые люди вступают в общественной жизни. И вот эти повторяющиеся формы взаимодействий и получили название социальных отношений» (с. 22).

Как видим, в разговоре с простыми людьми, «которые хотят понять, как функционирует то общество, в котором они живут», автор сразу «берет быка за рога», без каких-либо скидок на «простоту» этих людей.

В книге 18 глав, и каждая представляет собой законченный сюжет, в каждой — своя «завязка», интрига. Начинать чтение в принципе можно с любого места: если в оглавлении встретилась знакомая или, напротив, неизвестная фамилия, можно начать с этой главы. Но лучше все-таки читать книгу последовательно с первой главы, ибо она построена по вполне определенной логике и дает представление о социологии в подчас драматической динамике ее развития. При этом автор сознательно не соблюдает строго хронологическую последовательность событий.

В своем предмете В. Чеснокова чувствует себя, как рыба в воде. Она свободно перемещается во времени и пространстве. Так, в главу о Ф. Теннисе легко вписываются размышления Льва Толстого, вложенные в уста Левина, одного из героев «Анны Карениной», об отношениях прогрессивного помещика с его крестьянами (с. 45). Здесь же вполне уместным оказывается эпизод о крестьянских протестах

² Выделение этого важного понятия в языке социологии, а также последующие выделения в цитатах, сделаны мной. — *О.Б.*

против введения всеобщего образования крестьян в Польше в начале XX века (с. 46–47, а также с. 245).

В книгу органично вплетаются заметки из личных дневников автора, относящиеся к разным эпизодам ее научной биографии. Это и методологический семинар сектора социологии села Новосибирского института экономики и организации промышленного производства АН СССР, и опыт работы интервьюером, в том числе в местах заключения, и «чисто социологический анекдот» (см., например, с. 344), и житейские ситуации аспирантского общежития Ленинградского университета, и многое другое. Но вот что интересно: эти «житейские ситуации» оказываются удивительно к месту и действительно помогают прояснить не столько авторскую позицию, сколько тот вопрос, который автор хочет прояснить и себе, и читателю.

***

В первой главе, посвященной Макс Веберу (в книге ему отведены главы № 3, 4 и 5), столь же уместным оказывается рассказ об эмпирическом исследовании Уильяма Ллойда Уорнера 1930-х гг., известном под названием «Янки-Сити» (с. 54–55), а также «о поисках среднего класса в современной России» (с. 55–56). И такие «переключки», пересечения во временах и пространствах — типичный для В. Чесноковой прием, который немало способствует прояснению смысла отнюдь не простых положений и перипетий движения социологической мысли.

Герои этой книги — не только общепризнанные классики мировой социологии. Среди них и такой персонаж, как Юзеф Халасинский (1904–1979) — польский социолог, который занимался проблемами, по мнению автора, «весьма актуальными именно в наше время и в наших условиях» (с. 258). А именно концепцией нации. Или, иными словами, проблемами национальной культуры, которая организует образ жизни народа. Глава, посвященная этому выдающемуся польскому социологу, также «густо населена»: здесь отнюдь не случайно упоминаются Бронислав Малиновский, Флориан Знанецкий, Эльжбета Нейман, Эрнест Ренан — люди, жившие в разное время и в разных странах. Здесь вполне на своих местах оказываются и «Погодинская изба» — памятник движения славянофилов в Москве, и дом «у Харитонья в переулке», связывавшийся с поэмой Пушкина «Евгений Онегин», и церковь Всех Святых на Кулишках, неразрывно связанная с Куликовской битвой, и Симонов монастырь, который объединяет имена князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского. Здесь же «сегодняшний» эпизод, связанный с похоронами А.Д. Сахарова, и упоминание похорон Владимира Высоцкого, на которые пришел «совсем особый народ», как пишет В. Чеснокова. И добавляет: «Возникает тревожное чувство, почему же мы такая

многонациональная нация? Мы хорошо осознаем, что отличает один “особый народ” от другого “особого народа”. Если не на уровне логического анализа взглядов тех и других, то на основе безошибочного чувства родства с одними и отдаленности от других — мы это определяем точно. А ведь гораздо важнее то, что нас всех объединяет. И вот этого общего мы не ощущаем» (с. 273–274).

Эта глава пронизана чувством недоумения и тревоги, но в то же время и наполнена зрелыми размышлениями о сути самих явлений — народ и нация.

***

Автор обладает талантом глубоко и ясно рассуждать о сложных вещах, видеть откровения в, казалось бы, простых истинах, к которым чисто механически, без понимания, к сожалению, относятся многие из современных российских социологов. Конечно, вряд ли стоит упрекать их в этом, ибо это скорее их беда, нежели вина. Ведь подавляющее большинство отечественных социологов (включая корифеев) — самоучки. Причем период их социологического самообразования пришелся на эпоху короткой оттепели после сталинизма и железного занавеса, но почти сразу молодая советская социология оказалась под не менее жестким идеологическим колпаком. Это обстоятельство отмечает и В. Чеснокова, когда пишет о переводе «Общины и общества» Ф. Тенниса: «Российских социологов в незнании этого труда можно частично оправдать тем, что, несмотря на действительно всемирную известность этой работы, ее перевод на русский язык появился недавно» (с. 25), а именно в 2002 году. Но ведь это касается не только Тенниса и других классиков мировой социологии. Даже работы выдающего российского социолога Питирима Александровича Сорокина, написанные в Америке, были переведены на русский язык тоже совсем недавно. Я уж не говорю о русских социологах XIX века, таких как Е.В. де Роберти, М.М. Ковалевский, В.М. Хвостов, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев, с творчеством которых современные российские социологи тоже смогли познакомиться в более или менее полном объеме только начиная с 60–70-х годов прошлого века.

Жанр этой книги, обозначенный как «курс лекций» (по сути дела, это даже не учебник, а именно популярные лекции), не предусматривает какой-либо полемики. Правда, автор не обошла стороной проблемы непонимания³ (или неприятия современниками) тех или иных

³ Например: «Но непонимание Тенниса — это гораздо более широко распространенный феномен. И вызван он теннисовским подходом к объяснению социальных явлений, который оказался неожиданным для

идей, а также случаи принципиальной полемики между классиками⁴. И, тем не менее, книга очень актуальна в свете неугасающей полемики⁵ относительно теоретической социологии и вообще относительно статуса и позиции социологии в современном мире.

***

В. Чеснокова не раз и не два обращает внимание читателей на вопрос, который так труден для понимания сегодня, особенно для отечественных социологов, вкусивших отравы «левизны», а позднее и постмодернизма, с его (во многом демагогически) повышенным вниманием к «простому человеку», якобы лишенному языка (или права голоса) в «традиционной», «позитивистской» социологии. Речь идет о предмете социологии и о месте в ней индивида. Практически в каждой главе этой книги (больше или меньше) речь идет о сознании, о человеческих представлениях, о социальной воле, морали и нравственности и, что более важно, об истоках этих явлений. И если внимательно прочесть всю книгу, можно увидеть, что не отдельные люди и даже не отдельные группы являются «производителями» морали и нравственности. Это продукт именно общества, это результат взаимодействия людей.

«Личности дается определенная степень свободы, все более расширяющаяся, но от нее все больше требуется. Она должна, по существу, через себя, через всю свою психику и свой интеллект приводить в равновесие все общество, “поплывшее” в нормативном плане с диссоциацией традиционного социума. <...> Однако личность — тоже явление неустойчивое. Она создает новые способы и комбинации, способствующие выполнению усложнившихся функций» (с. 173). Для продолжения своей мысли Чеснокова приводит замечание Дюркгейма: «Но так как эти искусные комбинации очень сложны, то они хрупки... Значит, все это роскошное богатство состояний умирает с нами, и мы передаем нашим потомкам только неопределенный зародыш его» (с. 173)⁶.

его современников и вызывает недоумение еще и в настоящее время» (с. 25).

⁴ «Наиболее аргументировано сформулировал возражения против построения общей теории коллега Парсонса по Гарвардскому университету Роберт Мертон. В ряде статей, объединенных позднее в сборнике “О теоретической социологии” Мертон утверждает, что в настоящее время создать общую теорию в социологии невозможно» (с. 443).

⁵ См., например, дискуссию на сайте Российского общества социологов: <<http://socioline.ru/pages/diskussiya-o-sotsiologii-na-sajte-ros>>.

⁶ Здесь и далее классические тексты цитируются по рецензируемой книге В.Ф. Чесноковой с указанием соответствующих страниц. — *Прим. ред.*

Эту «печальную эпитафию истории развития личности», высказанную Дюркгеймом, Чеснокова дополняет его «общим положением»: «Функциональное разнообразие влечет за собой моральное, которого ничто не может предотвратить. Одновременное возрастание обоих неизбежно» (с. 173).

Придавая в своих рассуждениях огромное значение представлениям и их «престижу», Дюркгейм доказывает, что «коллективные способы действия или мышления существуют реально, вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются», что коллективные представления — это настоящий субстрат социальных явлений.

Следовательно, если мы имеем намерение изучать социальные акты, нам нужно оставить в стороне индивида с его индивидуальным сознанием и искать объяснение социальных явлений в природе самого общества.

Это, если угодно, ключевая идея Дюркгейма. Не случайно далее он говорит (если использовать современную фразеологию) о «популизме», то есть об ориентации на исключительно «светские успехи» социологии.

«Для социологии, — подытоживает свои труды Дюркгейм, цитируемый Чесноковой, — настал момент отказаться от, так сказать, светских успехов и обрести эзотерический характер, приличествующий всякой науке. Таким образом, она выиграет в достоинстве и авторитете настолько, насколько, может быть, проиграет в популярности. В самом деле, пока она оказывается втянутой в борьбу партий, пока она довольствуется лишь тем, что обрабатывает с большей логикой, чем толпа, общепринятые идеи и потому, следовательно, не требует никакой особой квалификации, она не вправе говорить так громко, чтобы заставить умолкнуть страсти и предрассудки. Конечно, еще далеко то время, когда она сможет выполнить эту задачу, но нам нужно трудиться уже теперь, чтобы когда-нибудь она была в состоянии ее осуществить» (с. 191).

Резюмируя значение Дюркгейма для развития социологии, Чеснокова подчеркивает, что ему так много удалось сделать для превращения социологии в науку в современном смысле этого слова потому, что он относился к ней не просто с уважением, но с настоящим благоговением.

От себя добавлю: видимо, и сегодня мы весьма далеки от претворения в жизнь пожелания Дюркгейма, чтобы социология была вправе «говорить так громко».

В.Ф. Чеснокова обращает внимание на то, что и среди следующих поколений социологов эта идея нашла ощутимую поддержку. В частности, У. Томас и Ф. Знанецкий писали о том, что «современная индустриальная организация имеет тенденцию создавать такой тип

человеческих существ, который аномален» (с. 202). На вопрос: нужно ли социологу изучать точки зрения каждого индивида в отдельности или ориентироваться на социальные представления, зафиксированные в документах культуры, в общественном сознании? — Знаниецкий дает определенный ответ: социолог должен изучать общество — это его предмет. Но что есть общество? «Проблема заключается в том, сводится ли общество к агрегату независимых друг от друга человеческих существ... Или оно представляет из себя организованное целое, интегральными частями которого являются индивиды» (с. 231).

По мнению В. Чесноковой, здесь «важно не только то, что оно (общество) представляет собой на самом деле — какую занимает территорию, какова его история, хозяйство и др., — важно, как это общество воспринимают сами люди, в нем живущие. Именно их представлениями и живет, формируется, модифицируется и т. д. общество» (с. 234). Но что особенно важно в этом аспекте для современных социологов: люди являются для социологии не объектом и не предметом исследования и изучения, но агентами, носителями свойств, характерных для того общества, в котором они живут.

И это вовсе не значит, что социология — наука об обществе без людей. Задача социолога состоит в том, чтобы понять, каким образом эти агенты имеют возможность «строить» и трансформировать свое общество, которое отнюдь не сводимо к их механическому соединению.

***

Один из моих коллег, когда я показал ему эту книгу, задумчиво произнес: «Интересно. “Язык социологии” — это в каком смысле?» Этот вовсе не праздный вопрос заставил еще раз внимательно перечитать книгу от корки до корки. Четкий ответ на этот вопрос содержится в первой из глав, посвященных работам американского социолога Толкотта Парсонса.

Вот что пишет В. Чеснокова: «Получается, что общая теория, которую создавал Парсонс, это *как бы язык науки*, — и не просто лексикон (какие-то “понятия”, как определял их Мертон), но еще и грамматика и синтаксис, должныствующие связывать в определенное целое по определенным правилам» (с. 446).

Еще одно существенное замечание Чесноковой: «То, что разработал Парсонс как структурно-функциональный анализ, — это инструмент. Общие понятия социологии — “социальное взаимодействие”, “социальный институт”, “ожидания”, “ценности” — представлены здесь не в виде картины, в которую должно вписаться действие, а в качестве категорий, с помощью которых оно будет анализироваться».

Под «грамматикой и синтаксисом», конечно же, подразумевается теория, устанавливающая правила языка социологии и связи между понятиями. Стоит также отметить, что весь конец лекции о попытках создания общей теории посвящен судьбе теорий Парсонса в России и перипетиям 1960-х годов, «когда социология как наука была вновь признана у нас, и было разрешено ею заниматься...» (с. 451).

Обратим внимание читателя и на послесловие, где автор объясняет, почему книга сделана именно так, как сделана.

«Мы поставили себе задачу сделать по возможности глубокое введение в концептуально-теоретическую сферу социологии. <...> За теориями же просматривается некоторое общее поле, не всегда достаточно четко структурированное, которое можно назвать обобщенным мировоззрением науки» (с. 536).

В. Чеснокова отмечает в связи с этим один серьезный недостаток отечественной социологии, еще одну ее «сдвинутость»: наши социологи не тяготеют к начальным этапам развития этой науки, так как были наиболее решительно отсечены от них до начала 1960-х гг. Отсюда — рассуждение автора о проблемах, которые есть у российских социологов в понимании и владении языком своей науки: «...брать классические понятия в их современном “снятом виде” — это значит терять в них множество сторон и смыслов, проработавших в свое время на их создание и оставивших на них свои следы. А брать теории в современном виде — это значит терять множество возможностей, оставшихся нереализованными самими авторами и их современниками. Короче, это значит сильно обеднить себя, свое понимание. И мне показалось, что давно уже наступило время восполнить этот пробел. Я надеюсь, читатель, углубившись в этот период, увидел, как много осталось позади разбросанного и нереализованного, и почувствовал, что это все же большое богатство, которым не следует пренебрегать. Тем более что тогдашние социологи были, в общем и целом, как мне кажется, гораздо “гуманитарнее” нас, а следовательно, видели мир более многосторонним, объемным и красочным, чем мы, представители прагматической эпохи. Впрочем, это мое субъективное мнение» (с. 538).

Лукавство было совершенно чуждо Валентине Чесноковой, и она, конечно же, всерьез адресует книгу «простым людям, которые хотят понять, как функционирует то общество, в котором они живут». И в то же время в книге присутствует неявная (не декларируемая) дискуссия с профессиональными социологами, которые сегодня, потеряв не только предмет, но и объект своей науки⁷, пытаются строить

⁷ Например, некоторые отечественные и западные социологи утверждают, что общество не просто здорово изменилось сегодня, но

«новую программу» социологии, тогда как более продуктивно, по мнению автора (и я с ней совершенно согласен), обратиться к сокровищнице социологической классики. Взять хотя бы исследование Ллойда Уорнера «Янки-Сити» и с помощью разработанного им подхода, не поддаваясь политическим и идеологическим пристрастиям, посмотреть на наше сегодняшнее общество.

Несмотря на заявленный автором преимущественный интерес к начальному этапу становления и развития социологии, книга оказалась чрезвычайно актуальной именно сегодня, когда в социологическом сообществе развернулась оживленная дискуссия о социологии⁸. Она проясняет целый ряд моментов, связанных с судьбой теоретической социологии в России, в том числе причины ее скромных достижений. Но главное — убедительно подчеркивает неразрывную связь теоретических, методических и методологических аспектов социологической работы. Одно без другого недорого стоит и хороших результатов дать не может.

Первая реакция социологов-профессионалов (не одного и не двух) на эту книгу меня просто поразила. Просканировав по диагонали оглавление, «социолог-профессионал», как правило, недоуменно закрывает книгу: «А-а-а, это история: опять Теннис, Вебер, Дюркгейм...» В глазах у него вопрос: «Ну что тут может быть нового для меня? Это же азы». Только те, кому что-то говорит имя автора, начинают листать книжку и за что-то непременно зацепляются. Таких немного, и это вызывает сожаление⁹. Ибо книга-размышление, приглашение читателей (в том числе и профессиональных социологов) к диалогу и осмыслению истории социологической мысли и самой

просто... исчезло, что его больше нет. Они считают, что сегодня следует изучать процессы миграции людей, сетевые структуры и т. п., но не общество. Ибо не общество является субъектом истории, но отдельные люди и сложные соотношения их разнонаправленных интересов.

⁸ Эта дискуссия была начата недавно на сайте Российского общества социологов (РОС) (<http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311>).

⁹ Валентина Чеснокова хорошо известна (если использовать классификацию поколений советских социологов Б.З. Докторовой) социологам двух первых поколений, в меньшей степени — представителям третьего поколения. И это не удивительно. Человек независимый, с твердыми убеждениями и сильным характером, в советское время она не могла найти место в официальных научных структурах. Некоторое время она работала в коллективе, руководимом Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, затем занималась переводами, в том числе и социологической литературы. Ее книги «Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века» и «О русском национальном характере» были изданы уже в 2000-е годы. В советское время было опубликовано очень немногое из того, что писала В. Чеснокова.

социокультурной реальности — этот жанр, кажется, сегодня еще более редок, нежели хорошая научно-популярная литература о социологии.

И наконец, с моей точки зрения, «Язык социологии» — один из лучших учебников по социологии, которые мне когда-либо приходилось читать. И я настоятельно рекомендую его своим студентам именно в качестве учебника. Он лучший — именно по своему содержанию, по внятности изложения и убедительности. Потому что этот учебник не безлик и не отстранен, а пропитан глубокой личной, человеческой заинтересованностью, болью за историю и будущую судьбу этой науки. А в том, что для современного общества социология как никогда актуальна и необходима, автор вполне убежден.

* * *

Мне посчастливилось встречаться с Валентиной Федоровной Чесноковой. Познакомила нас Инна Владимировна Рывкина в Новосибирском Академгородке где-то в середине 1970-х. Потом было еще две или три встречи в Москве и в Эстонии. Так что, к сожалению, даже знакомством в строгом смысле слова наши контакты назвать вряд ли можно. Но с самой первой встречи я оказался под обаянием ее интеллекта, глубоких познаний и твердых научных и гражданских убеждений. О ее непростой научной и житейской судьбе очень хорошо сказали Андрей Николаевич Алексеев, Владимир Александрович Ядов, Татьяна Ивановна Заславская и другие, но (опять-таки, к сожалению) уже после ее смерти в конце июня 2010 года¹⁰.

¹⁰ См.: «Памяти Валентины Федоровны Чесноковой (1934–2010)» (<http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriām/chesnokova_memoriām_10.html>). — *Прим. ред.*